

Научная статья

УДК 821.161.1.09«18/19»

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.02

ПОЭТИКА ДОСТОВЕРНОСТИ (ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И Г. ГАЗДАНОВА)

Романова Галина Ивановна¹,

Смирнова Альфия Исламовна²

^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

¹ galinroma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6173-2411>

² alfia-smirnova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9198-548X>

Аннотация. Рассмотрена специфика художественного мира реалистических романов Ф. М. Достоевского и модернистских произведений Г. Газданова. Анализируется такая черта поэтики обоих авторов, как достоверность (жизнеподобие) изображения действительности, ее конкретики, достигаемой своеобразным сочетанием реального и фантастического, обрисовки объектов действительности с точки зрения персонажей. Понятие достоверности изображения мира в произведениях писателей не сводится к упрощенно понимаемому жизнеподобию или правдоподобию, оно расширяет границы художественной картины мира. Утверждается, что реалистическое и условное органично соотносятся и продуцируют смыслы, раскрывающие индивидуальный художественный мир произведения каждого из писателей. Достоверность («физиологичность») изображения художественных картин повседневного быта и городской жизни в творчестве Достоевского в ряде случаев рассматривается как основа для изучения конкретно-исторической реальности с привлечением исторических свидетельств, в том числе государственных документов XIX века. В продолжение традиции Достоевского Газданов-романист стремится к «жизнеподобному» изображению, воплощению предметного мира, сюжета и системы персонажей, за которыми стоят подлинные истории их жизни и реальные события. Эффект достоверности достигается разными средствами, позволяя скрыть условность литературных форм. В обоих случаях стихийности и хаотичности сюжетных событий противостоит упорядоченность вечных морально-нравственных ценностей. Делается вывод о том, что специфика творческого метода, проявляющаяся в создании метапредметной сферы произведений, не исключает сходства поэтики писателей, представляющих разные художественно-эстетические системы.

Ключевые слова: поэтика достоверности, художественный мир, Ф. Достоевский, Г. Газданов, хронотоп, сюжет, персонажи.

Для цитирования: Романова, Г. И., Смирнова, А. И. (2024). Поэтика достоверности (художественный мир произведений Ф. М. Достоевского и Г. Газданова). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(53), 25–36. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.02>

© Романова Г. И., Смирнова А. И., 2024

Original article

UDC 821.161.1.09«18/19»

DOI: 10.25688/2076-913X.2024.53.1.02

**AUTHENTICITY POETICS
(LITERARY WORLD OF FYODOR
M. DOSTOEVSKY'S AND GAITO GAZDANOV'S)****Galina I. Romanova¹,****Alfia I. Smirnova²**^{1,2} Moscow City University,

Moscow, Russia,

¹ galinroma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6173-2411>² alfia-smirnova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9198-548X>

Abstract. The focus is on the artistic features of F. M. Dostoevsky's realistic novels and G. Gazdanov's modernist works. The article analyses such a poetic feature common for both authors as the reliable (life-like) depiction of reality, its concreteness, achieved by a special combination of the real and the fantastic, outlining real objects from the characters' stance. The notion of world image reliability in the works under study is not reduced to a simplistically understood life-similarity or plausibility; it expands the boundaries of the artistic picture of the world. The article emphasizes that realistic and conventional organically correlate to produce meanings that reveal the individual artistic world of each writer's work. The credibility («physiological») of depicting the artistic pictures of everyday routine and urban life in Dostoevsky's works forms the certain basis for studying the concrete-historical reality with the involvement of historical evidence, including the 19th century state documents. In continuation of Dostoevsky's tradition, Gazdanov-novelist strives for «life-like» depiction, which is the embodiment of the subject world, plot and character system, behind which there are true stories of their lives and real events. The effect of authenticity is achieved by different means, allowing to hide the conventionality of literary forms. In both cases, the spontaneity and randomness of plot events are countered by the orderliness of eternal moral and ethical values. The findings prove that the specific features of the creative method as manifested in the meta-subject sphere of works, contribute to the poetics of writers being similar though belonging to different artistic and aesthetic systems.

Keywords: authenticity poetics, the world of the literary work, F. Dostoevsky, G. Gazdanov, chronotope, plot, characters.

For citation: Romanova, G. I., Smirnova, A. I. (2024). Authenticity poetics (Literary world of Fyodor M. Dostoevsky's and Gaito Gazdanov's). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(53), 25–36. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2024.53.1.02>

Введение

Поэтика литературного произведения — один из актуальнейших вопросов современного литературоведения, что связано и с общими методологическими поисками в науке, и с разработкой проблемы художественного метода как комплекса принципов и приемов художественного освоения действительности. Важнейший аспект поэтики произведения — изучение его художественного мира (поэтической реальности), включающего в себя пространственно-временную организацию, персонажей и их систему, сюжетные события. Мировоззренческие основы миромоделирования (Мейлах, 1983), специфика картин, их образность и символичность остаются в центре внимания исследователей (Романова, 2017). При этом такое качество, как *достоверность* (жизнеподобие, правдоподобие) изображения жизни, свойственное произведениям разных эпох и направлений, еще не было рассмотрено. Эта черта присуща как произведениям самых ранних эпох, так и литературе новейшего времени (Барнашова, 2013), хотя правдивость жизненных картин признается важнейшей чертой реалистического изображения, понимаемого как противопоставление нормативному (абстрактному, идеальному) (Певак, 2018). Отметим, что понятие достоверности не отрицает (хотя часто заслоняет) аксиому об *условности* любого изображения в искусстве. Жизнеподобное изображение создает иллюзию реальности представленного в произведении, максимально скрывая условность литературных форм.

С обращением к такому аспекту литературы XIX и XX веков, как жизнеподобие (создание впечатления безобразности) художественного мира, связана новизна работы. Ее цель — рассмотреть сходство в художественном мире произведений классического реализма (Ф. М. Достоевского) и модернизма (Г. Газданова), связанное со стремлением писателей достоверно воспроизвести конкретику жизни.

Результаты исследования

В произведениях Достоевского предметный мир низший, фабулический, по определению Вяч. Иванова (Иванов, 1987), уровень романа-трагедии, но является основой и психологического, и метафизического слоев содержания. Именно он воспринимается как образное воплощение смысла произведения и определяет читательские интерпретации, чем обусловлена значимость изучения этого аспекта формы: пространства и времени (пейзаж, интерьер), персонажей, сюжетов.

Мир романов Достоевского наряду с предметами включает в себя и изображение невещественных явлений (идей, теорий), а также «информационное пространство, в формировании которого наряду с фактами реальной жизни —

происшествиями, событиями, поступками, лицами, предметами, пространством, временем и другими обстоятельствами, важнейшую роль играют факты виртуального характера — сообщения, свидетельства, рассказы, признания, слухи, догадки, обличения, теории, гипотезы, дезинформация и т. п.» (Фокин, 2018, с. 71).

В творчестве Достоевского создан незабываемый образ Петербурга, который воспринимается настолько достоверным, что, наряду с давно вошедшими в педагогическую практику исследованиями, появляются и в наши дни работы, в которых продолжают попытки обнаружения мест совершения сюжетных (вымышленных) действий. Однако специфика петербургского пейзажа не является результатом словесной фотографии (дагерротипа), как это характерно для физиологического очерка. Особенную убедительность городским картинам придает явно ощущаемая субъективность точки зрения, с которой даются описания. Окружающая героев реальность передана в восприятии персонажей. Этому приему писатель придавал особое значение: «... в том-то и весь вопрос: на чей взгляд...? чтоб только приметить факт, нужно тоже в своем роде художника» (Достоевский, 1994, т. 13, с. 319). Реалистичность описания выражается в достоверности впечатления.

Мрачная атмосфера пронизывает место действия романов: тяжелый, нездоровый климат (душное и пыльное лето, зима с пронизывающим ветром и мокрым снегом), безрадостные картины бедных кварталов с доходными и публичными домами, распивочными и трактирами, полицейскими участками. Историки рассматривают достоверность изображения, в ряде случаев оспаривая точность (физиологичность) художественных картин повседневного быта и городской жизни, ссылаясь на государственные документы XIX века (Деханова, 2023). Концентрация негативных деталей, событий, переживаний воспринимается как характерная черта стиля писателя, неоднократно отмеченная критиками и давшая основания для появления определения «достоевщина».

Конкретно-исторические картины в произведениях Достоевского сочетаются с элементами *фантастического* (обозначение не высшей степени качества или редкого явления, а необычного, нереального). Как оценка слово «фантастический» звучит, например, в суждениях писателя об истине: «Истина поэтичнее всего, что есть в свете, особенно в самом чистом своем состоянии; мало того, даже фантастичнее всего, что мог бы налгать и напредставить себе <...> ум человеческий. В России истина почти всегда имеет характер вполне фантастический» (Достоевский, 1994, т. 12, с. 141). Фантастика в мире Достоевского имеет преимущественно мистический оттенок или психологическую основу (например, галлюцинации Ивана Карамазова в романе «Братья Карамазовы»), показывая особенности восприятия и переживания персонажами реальности. К фантастическим событиям можно отнести в первую очередь те, на которые содержатся указания в речи героев или повествователя, передающие их восприятие. «Не рассудок, так бес!» — подумал Раскольников,

случайно обнаружив топор в дворницкой. С этой точки зрения фантастическое — это странные совпадения, мистические знаки, зависимость от «чар, от колдовства, обаяния, от наваждения» (Достоевский, 1989, т. 5, с. 60). Как фантастические осознаются и неожиданные события, когда мотивировка происходящего неочевидна и проявляется позже. Так воспринимает Раскольников преследующего его мещанина, решившего, что студент — «убийца». Непостижимая прозорливость оказывается проявлением обидчивости и подозрительности характера незнакомца («обидно мне стало»). Условно фантастическими можно назвать и трагикомические фантазии Катерины Ивановны Мармеладовой в «Преступлении и наказании», и небылицы патологических лжецов и фантазеров, например генерала Иволгина в романе «Идиот». Несмотря на долгую традицию изучения данного аспекта поэтики Достоевского (Захаров, 2008), тема фантастического в мире писателя требует дальнейшего изучения.

Романы великого пятикнижия густонаселены: в них представлены разнообразные слои городских жителей, с чем связана постановка социальных проблем, характерных для социально-психологического повествования. Система персонажей произведений преимущественно моноцентрична, что говорит о тщательной продуманности плана и, соответственно, условности художественного мира. Так, Раскольников как центральный персонаж «Преступления и наказания» соединяет всех других действующих лиц, которые проявляют в отношениях с ним свою сущность и характеризуют его самого. Второстепенные персонажи персонифицируют идею главного героя. Сюжетная роль каждого из персонажей второго и третьего плана однозначна и символична. Как было отмечено Г. Фридендером, «один образ в романе Достоевского как бы комментирует другой»; «основной тип является расчлененным в целом ряде лиц» (Фридендер, 1964, с. 184). В гендерном отношении изобретенный Достоевским мир, безусловно, мужской, так как социально женщины несамостоятельны и зависимы, в частности в финансовом плане, поэтому ими руководят и манипулируют, вынуждают их к жертвенности.

В сюжетных событиях, в которых, как известно, отразилась современная писателю криминальная хроника, также ощущается установка на создание иллюзии реальности. Однако со временем все яснее проявляется условность сюжетов Достоевского. Многочисленные реминисценции из приключенческой западноевропейской литературы, черты детектива, бульварного романа, нагромождение катастроф, занимательность интриги воспринимаются как подчеркнутая литературность.

Множество побочных сюжетных линий в их переплетениях (драматические истории жизни второстепенных, внесценических, эпизодических персонажей), нагромождение событий и смешение этапов развития сюжетов с ложными кульминациями (сценами скандалов) создают эффект хаотичности и неупорядоченности жизни, в которой практически невозможно сохранить устойчивость. Все это представлено повествовательными инстанциями

и переживается героями как жизненный конфликт, неразрешимый в принципе, экзистенциальный кризис, требующий философского осмысления. В результате формулируются и дискутируются идеи, теории, концепции, что дает основания для изучения не только характеров героев-идеологов, но и идеологичности сюжетов романов Достоевского. В работах достоевистов исследуется глубина философского замысла, психологический и метафизический смысл изображенных событий. Как ни парадоксально, но именно идеологичность сюжетов, а не документальная достоверность уголовных дел окрашивает «фантастические истории» в реалистические тона.

В мире романов Достоевского подвергаются сомнению научные теории, стихийными и неуправляемыми предстают законы частной и общественной жизни, а логика мышления и психология человека кажутся непостижимыми. Стремление к успеху в общественной жизни, к финансовому благополучию осложняется частными, семейными отношениями, что провоцирует множественные конфликты материальных интересов и идейных взглядов, создавая впечатление хаотичности движения жизни. Житейскому хаосу в пространственно-временной реальности романов противостоит упорядоченность вечных христианских ценностей, в чем исследователи (от В. Соловьева и Д. Мережковского до современных ученых) видят отражение христианской картины мира писателя.

Художественные открытия Достоевского подготовили почву для зарождения модернизма в России. С этой точки зрения вызывает интерес творчество Гайто Газданова, воспитанного на традициях русского классического романа и усвоившего открытия французского экзистенциализма с его вниманием к индивидуальному опыту переживания бытия, к проблемам выбора человека, его свободы, одиночества, смерти. Исследователи неоднократно отмечали экзистенциальную модель мира в прозе писателя (Семенова, 2001; Матвеева, 2001; Третьякова, 2008), указывали на его верность эстетике смерти.

Характерное свойство художественного мира Газданова проявилось уже в первом его романе «Вечер у Клэр» (1929). По мнению Г. Струве, «вымысла в нем не чувствовалось», так как Газданов следовал традиции «европейского романа, <...> тяготевшего к исповеди или к документу» (Струве, 1996, с. 197). Установка на создание *иллюзии достоверности* является одним из важных эстетических принципов писателя, чему способствует и выбор формы повествования — от первого лица. Исповедальная интонация романа «Вечер у Клэр» обусловлена *автобиографическими* интенциями в повествовании. В тексте приводятся факты из жизни писателя, указываются точные даты, круг чтения в отроческие годы, детские воспоминания о поездках на Кавказ, где жили родственники отца, дано описание деда-долгожителя: «Я помнил деда маленьким стариком, в черкеске, с золотым кинжалом. В девятьсот двенадцатом году ему исполнилось сто лет» (Газданов, 1996, т. 1, с. 79). Автобиографические факты встречаются и в романе «Ночные дороги», который начинается

с воспоминаний рассказчика, русского эмигранта, освоившего, как и Газданов, профессию таксиста. Ночной таксист делится своими первыми впечатлениями о Париже, когда он работал грузчиком, мойщиком паровозов, жил в бараке сначала среди поляков, а затем с русскими эмигрантами.

Композиция романа «Вечер у Клэр» необычна. Его сюжет построен не по хронологическому (линейному), а по концентрическому принципу, когда в центре внимания находятся психологические связи, внутренние движения души героя Николая Соседова. *Событийный* план произведения объединяет настоящее и прошедшее. Внутренние движения души ярче представлены в ретроспективном выражении, в воспоминаниях героя о детстве и юности, о родных, пребывании в кадетском корпусе, о встрече с юной Клэр, об участии в Гражданской войне на стороне белых, в его размышлениях о смерти и т. д. В произведении проявляется примечательная особенность, характерная для литературного процесса XX века: «Обращение к памяти персонажа как к внутреннему пространству для развертывания событий» (Роднянская, 2001, с. 1177). Этот прием часто реализуется в прозе писателя. Моноцентричность повествования находит выражение в том, что все происходящее в романе раскрывается через восприятие Николая Соседова, с которым сюжетно связаны остальные персонажи.

В романе «Ночные дороги» Газданов рисует наблюдаемую героем мозаичную картину ночной жизни Парижа с характерными для нее типажам: проститутками, сутенерами, клошарами. Работа ночного таксиста знакомит его с «физиологией» Парижа и вызывает у него отвращение к той реальности, с которой герою приходится сталкиваться, и одновременно желание не быть «захлестнутым той бесконечной и безотрадной человеческой мерзостью, в ежедневном соприкосновении с ней» (Газданов, 1996, т. 1, с. 465). Описывая свои впечатления от пребывания в кафе, находящемся недалеко от вокзала (в ожидании первого поезда и первых пассажиров), герой ощущает себя «все более и более отравленным» этой «мрачной поэзией человеческого падения» (Там же, с. 478).

Система персонажей романа способствует воплощению этого болезненного чувства, владеющего героем-повествователем. Эпизодическими героями повествования становятся алкоголик и философ Платон, бывшая аристократка, а ныне опустившаяся проститутка Жанна Ральди, растратившая все свое богатство, но сохранившая пронизательный ум и изысканные манеры; русские эмигранты Васильев и Федорченко, Сюзанна, оставившая проституцию ради брака с Федорченко, красавица Алиса, занимающаяся тем же древним ремеслом. В романе много эпизодических персонажей: пассажиры ночного такси, завсегдагаи кафе, такие же таксисты, как и герой-повествователь. Эти подлинные истории в романе складываются в картину «прокаженного мира» (Газданов, 1996, т. 1, с. 573) с «ужасной беднотой и <...> человеческой падалью» (Там же, с. 485). И в то же время у героя складывается «определенное отношение к чреву Парижа,

смешанное чувство жалости, сострадания к падшим <...> и болезненное ощущение противоестественности этой жизни...» (Смирнова, 2006, с. 302).

Есть нечто общее в описании Парижа у Газданова с образом Петербурга Ф. М. Достоевского, что выражается в мотивах болезни и бреда. «...Этот зловещий и убогий Париж, пересеченный бесконечными ночными дорогами, был только продолжением моего почти всегдашнего полубредового состояния...» (Газданов, 1996, 1, с. 639). Образ Парижа в романе двойится: с одной стороны, достоверно, с документальной точностью воспроизводится пространство города, его топография, с другой — в восприятии повествователя Париж предстает как ирреальный «город далекой и чужой страны», как некое *метафизическое пространство*, в котором умудренный жизненным опытом таксист ощущает себя «путешественником, попавшим в чуждую ему стихию» (Там же).

В субъективном восприятии героем Парижа доминирует ощущение статичности, неподвижности города. Автор создает иллюзию достоверности в его описании, подкрепляя наблюдения таксиста чужим мнением. В рассуждения героя о разделенности Парижа на несколько непересекающихся неподвижных зон вводится посторонний субъект высказывания — рабочий бумажной фабрики, который некогда рассказал таксисту, «...что за сорок лет пребывания в Париже он не был на Елисейских полях» (Газданов, 1996, т. 1, с. 467).

Париж в романе предстает городом контрастов, где «еще была жива <...> далекая психология, чуть ли не четырнадцатого столетия, рядом с современностью, не смешиваясь и почти не сталкиваясь с ней» (Там же). Наблюдения за жизнью Парижа приводят героя к печальному выводу: «Население ночного Парижа резко отличалось от дневного и состояло из нескольких категорий людей, по своей природе и профессии чаще всего уже заранее обреченных» (Газданов, 1996, т. 1, с. 465). Этот вывод далек от социальных обобщений, но переводит размышления героя в экзистенциальную плоскость.

Для героев Газданова характерны ощущения, обусловленные раздвоенным существованием, болезненностью восприятия своего положения. Так, в романе «Вечер у Клэр» раскрывается «мир внутреннего существования» Николая Соседова: «Дома я точно переселялся в какую-то иную страну, где нужно было жить не так, как всюду» (Газданов, 1996, т. 1, с. 82). Это свойство сближает героев произведений писателя. В «Истории одного путешествия» внутренняя жизнь Володи, его мечты, иллюзии, сны, воспоминания о прошлом, духовные странствия замещают реальность и преображают ее.

Художественный мир произведений Газданова неуютен и мрачен, что подчеркнуто реалиями внешнего пространства и деталями интерьера. Так, в рассказе «Гавайские гитары», где речь идет о смерти и похоронах сестры главного героя, сумрачность и чуждость окружающего мира воссоздаются через восприятие героя, который видит печальную обстановку в комнате умирающей, слышит «непрерывный грохот» городской улицы, неуместный во время

похоронной процессии. Невольно он вспоминает тихие похороны в России, где процессии двигаются медленно, «в тишине и важности», а встречные прохожие молча снимают шапки, отдавая дань уважения покойному. Герой болезненно реагирует на оскорбительное для родственника умершей поведение врача из похоронного комиссариата, священников и служек в церкви во время отпевания сестры, на провокационное поведение дамы, желающей «утешить» бедного вдовца в первую же ночь после похорон. Его душевная боль коррелирует с реальными физическими страданиями от слишком тесной новой обуви, которые все усиливаются и наконец на кладбище становятся непереносимыми.

Внутренняя жизнь героя раскрывается с помощью подсознания, воображения, а также пограничных состояний между сном и явью. Экзистенциальная картина мира выражается в рассказе именно через работу сознания героя, через осознание присутствия в неуютном и чужом мире собственного «я».

Фантастическое в художественном мире Газданова, как и у Достоевского, реализуется в мистическом начале или имеет психологическую основу. Так, в сознании героя рассказа «Гавайские гитары» «непостижимым образом» соединились два далеких друг от друга события: бессонная ночь в чужом доме, когда он впервые услышал непонятные для него звуки гавайских гитар, и день похорон сестры. Экзотические для русского слуха звуки безладовой гитары, давшие название рассказу, объясняются лишь в финале: для героя, ощутившего в день похорон зыбкость и непрочность мира, звуки характерного гитарного глissандо оказываются очень близкими его состоянию. Эти звуки заключили в «прозрачную коробку» два таких разных дня, и в ней отныне хранятся для него «яма, туман, странное мясо за обедом, шампанское, статуэтки из черного дерева — и еще постоянная ноющая боль в ногах от слишком узких туфель» (Газданов, 1996, с. 126).

Фантастическое у Газданова замещает происходящее в реальности. В романе «История одного путешествия» повествуется о бывшем поручике артиллерии, оказавшемся в эмиграции. Настоящее в новой жизни ему «бесконечно чуждо» и заменяется игрой воображения, фантастическими рисунками. «Неправдоподобное существование» героя сравнивается в тексте с «фантастическим романом». Александр Александрович — путешественник, «далекий от всего мира» (Газданов, 1996, т. 1, с. 220), совершающий свои метафизические странствия.

Исследование художественного мира Газданова в дискурсе поэтики достоверности позволяет прийти к выводу о расширении эстетических возможностей воплощения предметного мира в прозе писателя по сравнению с предшественниками. В литературе XX века выработывались индивидуально-авторские приемы создания предметного мира. Писатели стремились к оригинальности, искали новые средства художественной изобразительности, основываясь на традиции, заложенной в литературе XIX века.

Заключение

Цель изучения поэтики текста состоит в понимании смысла произведения, для чего необходимо обратиться к его художественной структуре, чтобы осознать «возможности смыслообразования» (Н. Д. Тамарченко). В статье предложена исследовательская модель, предполагающая через анализ структурных особенностей (художественное пространство, сюжетные ситуации, система персонажей; функция фантастического, семантика детали и др.) выявление иллюзии достоверности в романах Достоевского и Газданова. Проведенный анализ показал, что понятие достоверности изображения мира в произведениях писателей не только не сводится к упрощенно понимаемому жизнеподобию или правдоподобию, но и расширяет границы художественной картины мира, где реалистическое и условное органично соотносятся и продуцируют смыслы, раскрывающие индивидуальный художественный мир произведения каждого из писателей. В продолжение традиции Достоевского Газданов-романист стремится к «жизнеподобному» изображению, воплощению предметного мира и системы персонажей, за которыми стоят подлинные истории их жизни и реальные события. Эффект достоверности достигается разными средствами, позволяя скрыть условность литературных форм.

Список источников

1. Барнашова, Е. В. (2013). Вариации мимесиса в литературе и искусстве XIX в. *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*, 1(9), 23–30.
2. Газданов, Г. И. (1996). *Собрание сочинений*: в 3 т. Т. 1. Согласие.
3. Деханова, О. А. (2023). Питейные заведения в романе «Преступление и наказание». Художественная деталь в правовом поле питейной реформы 1861 года. *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*, 2(22), 106–127.
4. Достоевский, Ф. М. (1994). *Полное собрание сочинений*: в 30 т. Т. 5, 12–13. Наука.
5. Захаров, В. Н. (2008). Фантастические страницы Достоевского. *Проблемы исторической поэтики*, 8, 116–125.
6. Иванов, Вяч. (1987). *Собрание сочинений*: в 4 т. Т. 4. Foyer oriental chrétien.
7. Касаткина, Т. А. (2015). *Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского*. ИМЛИ РАН.
8. Матвеева, Ю. В. (2001). «Превращение в любимое»: Художественное мышление Гайто Газданова. Уральский госуниверситет.
9. Мейлах, Б. С. (1983). Философия искусства и художественная картина мира. *Вопросы философии*, 7, 116–125.
10. Певак, Е. А. (2018). К вопросу о многоаспектности оппозиции реализм — не-реализм. *Stephanos*, 3(29), 99–106.
11. Роднянская, И. Б. (2001). Хронотоп. *Литературная энциклопедия терминов и понятий*. Интелвак.
12. Романова, Г. И. (2017). Картина мира и мир произведения: к разграничению понятий. *Неклассические модели мира в русской литературе*, 9–19. Инженер.

13. Семенова, С. Г. (2001). Путешествие по «беспощадному существованию» (Гайто Газданов). В С. Г. Семенова. *Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика – Видение мира – Философия* (с. 529–545). ИМЛИ РАН.
14. Смирнова, А. И. (2006). Гайто Газданов. *Литература русского зарубежья (1920–1990)*, 295–313. Флинта: Наука.
15. Струве, Г. П. (1996). *Русская литература в изгнании*. 3-е изд. УМСА-Press; Русский путь.
16. Третьякова, О. А. (2008). Экзистенциальное «путешествие на край ночи» в романах Г. Газданова и Л.-Ф. Селина. *Гайто Газданов в контексте русской и западно-европейской литератур*. ИМЛИ РАН.
17. Фокин, П. Е. (2018). Информационная картина мира в романах Ф. М. Достоевского: структура и поэтика отражения (на материале романа «Преступление и наказание»). *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*, 1, 70–78.
18. Фридлиндер, Г. М. (1964). *Реализм Достоевского*. Наука.

References

1. Barnashova, E. V. (2013). Variations of mimesis in 19th century literature and art. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 1(9), 23–30. (In Russ.).
2. Gazdanov, G. I. (1996). *Collected works: in 3 vols. Vol. 1*. Soglasie. (In Russ.).
3. Dekhanova, O. (2023). Drinking Establishments in the Novel Crime and Punishment. An Artistic Detail in the Legal Field of the Drinking Reform of 1861. *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, 2(22), 106–127. (In Russ.).
4. Dostoevskij, F. M. (1994). *Collection of Opus: in 30 vols. Vol. 5*, 12–13. Nauka. (In Russ.).
5. Zakharov, V. N. (2008). Fantastic pages by Dostoevsky. *The problems of historical poetics*, 8, 116–125. (In Russ.).
6. Ivanov, Vyach. (1987). *Collection of Opus: in 4 vols. Vol. 4*. Foyer oriental chrétien. (In Russ.).
7. Kasatkina, T. A. (2015). *The sacred in the everyday: a two-article image in the works by F. M. Dostoevsky*. IMLI RAN. (In Russ.).
8. Matveeva, Yu. V. (2001). «Turning into a favourite»: Gaito Gazdanov's artistic thinking. *Ural'skij Gosudarstvennyj Universitet*. (In Russ.).
9. Meylakh, B. S. (1983). Philosophy of art and artistic picture of the world. *Problems of Philosophy*, 7, 116–125. (In Russ.).
10. Pevak, E. A. (2018). On the multidimensionality of the opposition between realism and non-realism. *Stephanos*, 3(29), 99–106. (In Russ.).
11. Rodnyanskaya, I. B. (2001). Chronotope. *Literary Encyclopaedia of Terms and Concepts*, 1173–1177. Intelvak. (In Russ.).
12. Romanova, G. I. (2017). Picture of the world and the world of the literary work: to the distinction of concepts. *Non-classical models of the world in Russian literature*, 9–19. Inzhener. (In Russ.).
13. Semenova, S. G. (2001). Travelling through «ruthless existence» (Gaito Gazdanov). In S. G. Semyonova. *Russian poetry and prose of 1920–1930s. Poetics – Vision of the World – Philosophy* (p. 529–545). IMLI RAN. (In Russ.).
14. Smirnova, A. I. (2006). Gajto Gazdanov. *Literature of the Russian Abroad (1920–1990)*, 295–313. Flinta: Nauka. (In Russ.).

15. Struve, G. P. (1996). *Russian literature in exile*. 3rd edition. YMCA-Press; Russkij put'. (In Russ.).
16. Tret'yakova, O. A. (2008). Existential «journey to the edge of the night» in the novels by G. Gazdanov and L.-F. Selin. *Gaito Gazdanov in the context of Russian and Western European literature*. IMLI RAN. (In Russ.).
17. Fokin, P. E. (2018). Information picture of the world in the novels by F. M. Dostoevsky: structure and poetics of reflection (on the material of the novel «Crime and Punishment»). *Dostoevsky and World Culture. Philological journal, 1*, 70–78. (In Russ.).
18. Fridlender, G. M. (1964). *Dostoevsky's realism*. Nauka. (In Russ.).

Информация об авторах

Галина Ивановна Романова — доктор филологических наук, доцент, профессор департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Альфия Исламовна Смирнова — доктор филологических наук, профессор, начальник департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the authors

Galina I. Romanova — Doctor of Philology, Docent, Professor at the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Alfia I. Smirnova — Doctor of Philology, Full Professor, Head of the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.